

БЕРЕЗЫ ПРОСЫПАЮТСЯ РАНО

ПРОСТИ, И ПРОЩЕН БУДЕШЬ

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат
Государственной
премии Республики
Беларусь

Из Минска выехали в шестом часу утра. За руль сел Руслан, я рядом, а Наташа расположилась на заднем сиденье. Разговор перескакивал от погоды к зеленеющим вдоль дороги полям, от мирового кризиса к действиям нового президента США... И ни слова о цели нашей поездки, что невольно еще больше усиливало внутреннее напряжение. Я мог только догадываться, какие чувства испытывает сейчас Наташа, о чем думает Руслан. Простят ли они деда?

Журналист не следователь, не адвокат, не прокурор, не судья... Тем не менее, разрабатывая ту или иную тему, нередко и расследования проводит, и защищает, и обвиняет, и судит – выносит факты и явления на суд общественности. За полвека в журналистике немало таких моментов было и у меня. И только в одной роли до последнего времени никогда не оказывался – в роли переговорщика и, Бог даст, примирителя. Причем в деле настолько необычном, эмоционально-драматичном, что даже думать боюсь о том, что произойдет, если моя миссия провалится...

«НЕБО ГОРИТ ПОЧЕМУ?»

Береза, тонкая, высокая, мягко вздрагивает. Будто выбежала из леса, но, глотнув ветра, замерла вдруг у самой реки, изумленная безграничной далью полей...

Матвейч собирает опавшие за ночь яблоки. Часто наклоняясь, неторопливо бредет по саду. Ведро в его руках позванивает от шумно стучащих о дно и стенки яблок. Затем звон прекращается, слышатся редкие слабые шлепки. Но вскоре и они стихают. Матвейч поднимает голову и смотрит, как густеет, наливается синевой лес, как, отчаянно толкаясь, делят над лесом небо два маленьких облака, как вспыхивает на солнце паутина. Лицо у него крупное, костистое, волосы густые под цвет коры молодой березы. Прищурившись, с минуту стоит неподвижно, потом переводит взгляд на берег реки.

За высокой березой видна могила.

Матвейч подходит к ограде, смахивает с нее паутину, озабоченно очищает памятник, на котором краска кое-где слезла, а кое-где еще лежит узкими сухими лоскутками. Открывает калитку, сгребает в угол шуршащие листья и протирает от пыли стекло. За стеклом старая, пожелтевшая, в трещинах

фотография. Долго, задумавшись, глядит на нее, потом, стряхнув оцепенение, опять идет к ведру с яблоками. Яблоки высыпает на траву под рябиной, а сам опускается на скамью передохнуть.

Мелькает среди деревьев пятнистая синица, дразнится с облаками ветер, о чем-то шепчутся березы. И чудится Матвейчу, что с горки, где стоит дом, мчит в сад розовощекое существо в голубом платье, с хрупким, как шорох речной волны, голосом. Мигом взбирается ему на колени, вертится, что-то приговаривает, не переставая поглядывать по сторонам.

Вдруг Наташка соскакивает со скамьи, срывает с ветки вишню, надкусывает ее. Морщится, бросает. Бежит к другой вишне, к третьей... Нашла! Опять летит к отцу, захлебываясь от счастья и восторга:

– На, сладкая...

Глаза синие, ясные. Ни секунды не постоит Наташка спокойно, вилетенный в косичку выгоревший бант порхает по саду, словно бабочка. То она подбежит к рябине, замороженная скрывшейся в ее ветвях птицей, то вдоль густо заросшего хмелем плетня храбро гонит из сада кур, а то возьмет вдруг скакалку и скачет, скачет...

Но иногда Наташка спускается в сад серьезная. Хмурится, взгляд рассеянный, брови в линеечку. Думает Наташка. Думает день, другой... А отец ждет, делает вид, что неинтересно ему, какую такую важную проблему решает проживший на свете всего четыре с половиной года человек. Наконец, град вопросов:

– Небо не падает почему? Луна спит где? Речка торопится куда?

Под вечер они идут купаться. Вода в Наплатинке теплая, звонкая. Наташка забирается в нее по колени и, затаившись у скользкого зеленого камня, ждет, когда поплывут мимо пугливые мальки. Когда их соберется много, она выставляет вперед руки и падает. Быстро встает и уже на берегу разжимает пальцы – опять на ладонке только песок. Но Наташка не расстраивается, и они купаются еще долго-долго, чтобы хватило на всю осень и на всю зиму. А потом, зачерпнув ведерком воды, по шатким мосткам проходят на другой берег, где мучается от жажды тонкая березка с бледными листьями. Целую неделю они носили ей воду, но она все бледнела и наконец засохла.

Опять у Наташки лицо серьезное, брови в линеечку:

– С березкой что случилось?

Притихшая, доверчиво слушает сказку: «Жили-были на берегу реки березы. Дружно жили, весело, всё поровну делили: небо, ветер, солнце. Но одна береза, совсем молодая, подумала: «Я не хочу, чтобы поровну, пусть мне больше будет». И ночью, когда все уснули, тайком перелетела через речку и стала жить одна, в поле. Небо, вода, солнце – все было теперь только ей одной. Радовалась береза, но не долго. Ветер стал ломать ей руки, солнце колело длинными жгучими иглами, а небо не посыпало дождя. И никто не мог защитить березу, никто, потому что была она одна...»

– Она вернется? – глаза широко открыты, требовательно ждут ответа.

– Вернется...

– Когда?

– Завтра рано утром, смотри, не проспи...

На рассвете он пошел в лес, выкопал саженец. Всю ночь, наверное, снится Наташке летящая над рекой береза. А проснется – во весь дух примчится поглядеть на нее. Уже у

дома заметил на горизонте странные предметы. Они росли, разрывая тишину тягучим гулом. А когда вниз посыпались черные свистящие точки, понял: война...

Ночи стояли темные, звездные. Сразу за садом глухо чернел лес. Багровые пятна разбросало над лесом небо. За полями приглушенно стонала земля. Матвейч ждал недолго. Тишина расступалась, обнажая неясные звуки. К саду подходил человек. Короткий разговор. И вот уже стена леса растет, надвигается на двоих. Потом – горячие рукопожатия партизан, новое задание. Домой Матвейч возвращался под утро.

А днем в сад заглядывали полицаи. Матвейч угощал их яблоками и говорил, что лес – это богатство, значит, он нужен фюреру. Полицаи не перебивали лесника, которого на эту должность назначил сам господин бургомистр.

Как-то возле дома остановились немцы. В черных мундирах с закатанными рукавами, с автоматами на груди, неторопливо попрыгали с машин и направились в сад. Затрещали ветки, дождем застучали о землю яблоки. Матвейч с испуганно прижимавшейся к нему Наташкой стоял у колодца и тревожно поглядывал на дорогу, час назад по которой ушла в город с заданием жена. Немцы, очевидно, направлялись туда же.

Эсэсовский офицер, проходя мимо, вдруг ткнул его хлыстом в лицо:

– Партизан?

Матвейч молча подал ему подписанную бургомистром бумажку. Офицер прочел ее, брезгливо отшвырнул прочь и вытащил пистолет.

Долго целился. Жестокостью били из-под узких холеных бровей глаза. Кривился в злобе рот.

Не дрогнул Матвейч. Расправил плечи. Поднял голову. Теснее прижал к себе Наташку, закрыл ее руками. А когда прозвучал выстрел, не поверил – смерть прошла мимо.

Снова прищурился враг. Еще шире расправил плечи Матвейч. Еще выше поднял голову. Но и на этот раз не поверил – жив!

Ухмыльнулся эсэсовец. Столпились за его спиной солдаты, оскалились, как волки, на презрительно глядящего смерти в лицо лесника.

И снова черная рука медленно ползет вверх...

После шестого выстрела не выдержал Матвейч, обернулся. Береза, посаженная Наташкой весной у колодца, плавно качалась. Прозвучали подряд еще три выстрела. Точно подкошенная, она рухнула наземь.

В то же мгновение раздался крик. Эсэсовец, побледнев, смотрел на повисшую на его руке Наташку. Рванулся Матвейч, вихрем ворвался в середину черных мундиров, но упал, смятый десятком вражеских тел. У самого виска холодно блеснул пустым зрачком ствол автомата. Офицер вдруг сделал рукой знак:

– Не спешить. Совсем молодой русский фрейлен хочет стать молодой русский береза. О... мы разрешить ей это... Привязать русский девочка вот тут... Он, – оправившийся от страха фашист ткнул пистолетом в сторону Матвейча, – пусть наблюдать...

Черные мундиры потащили Наташку к дереву. Опять рванулся Матвейч, но птицей забился о землю и затих под страшной тяжестью, навалившейся на грудь.

Очнулся от запаха гари. Тяжело приоткрыл веки – в лицо полыхнул огонь: дом и сад горели. Зажав рукой простреленную грудь, с трудом поднялся и увидел Наташку.

С залитым кровью лицом, обняв березу, она стояла посреди горящего сада. Змеей ползла по худенькому телу, по белому стволу черная веревка. Синие глаза с недоумением глядели в дымящееся небо. «Небо горит почему?» – вдруг почудилось Матвейчу, и под его ногами колыхнулась земля...

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ

В один из майских дней 1945 года возле пепелища остановился солдат. Обожженная земля, полусгоревшие куски дерева, прохваченный копотью остов печи – все, что осталось от дома и сада. Но что это? Словно кто щедрой рукой бросил на черную землю пригоршню изумрудных брызг, и они ярко вспыхнули под майским небом... Он подошел поближе. Возле колодца качался на ветру березовый росток. Он был тонкий, прозрачный, но рос, клейкими листочками упрямо тянулся к солнцу. В нем ощущалась немалая внутренняя сила. Та сила, которой

нипочем ветер, зной, холод, которая через несколько лет поднимет этот росток вровень с лесом и удивит его быстрыми полями, звонкой речкой, светлым небом. Та сила, что победила смерть, опалившая эту землю...

– Матвей! – прорезал тишину женский крик.

От землянки, которую он не заметил, к нему бежала жена.

В тот день, уйдя на задание, Алина словно предчувствовала беду и все время торопилась домой. И успела – Матвей уже почти истек кровью. Долго не приходил в сознание. Когда же поднялся, сразу отправился к Наташкиной могилке. Пробыл возле нее почти до ночи. А утром подался в партизаны.

После освобождения республики попросился на фронт. Был пехотинцем, воевал умело и отважно. Войну закончил в Берлине, расписался на стенах рейхстага.

Ему настоятельно предлагали возглавить колхоз, но он отказывался, ссылаясь на отсутствие образования, опыта руководящей работы. А лесником Матвей Матвеевич Точилин был отличным. Сначала стал одним из лучших в районе, затем в области. Тогда-то я, студент журфака БГУ, проходя производственную практику в районке, и получил задание подготовить его авторское выступление. С той поры наше знакомство не прерывалось. Алина родила двух сыновей. Старший, Павел, продолжил дело отца, а младший, Евгений, стал кандидатом математических наук, преподает в одном из минских вузов. Они подарили деду по два внука. Когда же в семье Павла родился опять мальчик, Матвейч на крестинах заявил:

– Все, с мужиками завязывайте. Жду внучку...

Заказ деда, как потом шутили, был выполнен: в семье Евгения родилась девочка. Надо ли говорить, что назвали ее Наташей. До семи лет она почти все время жила в доме деда, затем каждое лето приезжала на каникулы. Многое из того, что он знал и умел, передал внучке. И радовался, что девочка росла любознательной и не по годам умной, умела сострадать, держать слово, любила природу и понимала ее. За пятнадцать лет он ни разу не прикрикнул на нее, ни разу не повысил голос. А затем произошел первый конфликт.

Как-то в родительский дом с оказией приехал Евгений Матвеевич. Когда вынимал из сумки гостинцы, на пол выпал конверт. Ни сын, ни отец не заметили это. Лишь вечером – Евгений уже уехал – Матвеев поднял его с пола. В конверте были фотографии. Он взглянул на них и чуть не обмер... На всех была изображена улыбающаяся Наташа в купальнике. И под каждой фотографией были странные подписи: «Видишь, какая я красивая», «Мое тело упругое как мяч, а кожа нежная как шелк»...

Наташа, приехав на выходные, не узнала деда. Разбросав по столу фотографии, наговорил столько всяких слов, что та, ошеломленная, за рюкзак и – на электричку. Вечером мать отпаивала ее валерьянкой.

Фотографии Евгению Матвеевичу принес его аспирант... Сказал, что это виртуальные «лолиты» – завлекают мужчин в надежде на то, что те пришлют им какой-либо подарок. Наташа призналась: вместе с подружкой сотворили глупость, решили приколоться, но больше ничего подобного не будет.

Конфликт был исчерпан, и спустя некоторое время Матвеев попросил меня оценить то, что делает Наташа, – ее заметки и рассказы, опубликованные в детской печати, и, если у девочки есть «искра», взять над ней шефство. «Искра» у нее, без сомнения, была, и уже в десятом классе ее довольно приличные интервью печатали республиканские газеты. Я был уверен в ее успешном журналистском будущем, но она увлеклась экономикой. С отличием закончила университет, трудилась на автозаводе, а затем перешла в фирму на интересную и, как сказала мне, «перспективную с научной точки зрения» работу. Вскоре сдала кандидатский минимум, публиковалась в престижных российских изданиях – журнале «Эксперт», газете «Коммерсантъ». Фирма высоко ценила ее усилия и даже сняла ей поблизости от места работы однокомнатную квартиру.

И тут грянула буря.

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Все у Наташи складывалось хорошо, кроме личной жизни. Поклонники не переводились, замуж звали, но она решила, что не станет создавать семью без взаимной любви.

А любви все не было и не было.

Однажды в трамвае нетрезвый мужчина на просьбу контролера предъявить билеты разразился бранью. Стоявшая поблизости Наташа попыталась пристыдить его.

– Ты кто такая? – С растопыренной пятерней он двинулся к ней.

Вмешался парень в вельветовом пиджаке. Окружающие и не заметили, как хулиган мешком сполз на пол. На остановке его передали милиции.

– Вы спасли мне жизнь, – пошутила Наташа.

– Придется рассчитываться. Телефончиком... Кстати, у меня сказочное имя – Руслан...

Он позвонил на второй же день, пригласил на медовую ярмарку. Они переходили от прилавка к прилавку, Руслан пробовал мед, кивал головой: «Нет, не то, не то...» И только у одного прилавка, за которым стоял сухонький дедок в расшитой сорочке и соломенной шляпе, довольно хмыкнул:

– Мед твой, дедуся, что надо. Нам вон ту трехлитровую посудинку... А вот платить за мед, дедуся, не стану. Не заработал я еще на медок-то. Так что считай, оказал ты нам, лучшим представителям славного молодого поколения, гуманитарную помощь...

Наташа от столь откровенной наглости своего спутника покраснела. Но он уже уводил ее от прилавка. Воспользовавшись тем, что его окликнул знакомый, вернулась, протянула старичку деньги. Тот улыбнулся:

– Позвольте, милая барышня, представиться: Семен Олегович. Довожусь Руслану родным дедом. Играет он... Разве не говорил вам, что хочет быть актером?

Жил Руслан с родителями. Дважды пытался поступить в театральный – не получилось. Закончил финансовый техникум и уже сменил десятка два профессий. Был бухгалтером, кассиром, почтальоном, грузчиком, рубщиком мяса, вахтером... Сейчас работал продавцом в магазине. И этой работой явно тяготился. Но Наташу столь скоропалительная смена занятий нисколько не пугала. Она полюбила и была счастлива. Родители не одобряли ее выбор, но и не осуждали.

Свозила его и к деду. Три дня пробыли там, и с каждым днем Матвеев мрачнел все

больше. За что ни брался Руслан – все у него валилось из рук. Стал колоть дрова – поранил палец. Начал чинить забор – перегнул все гвозди. Решил прикрепить к колодезной цепи новое ведро – оно ухнуло вниз...

На стене в гостиной висела фотография Матвеича, сделанная в 1945 году: печальные глаза, выцветшая гимнастерка, пять орденов, семь медалей... Руслан несколько раз останавливался возле нее и долго, будто что-то искал, рассматривал.

– А из твоей родни кто воевал? – спросил Матвеич во время обеда перед их отъездом.

– Никто. А дед служил в полиции, за что получил пятнадцать лет лагерей. Отсидел от звонка до звонка.

Матвеич будто окаменел. Заметив это, Наташа сказала:

– Внук за деда не отвечает.

– Да, да... А когда свадьба?

– Через месяц пойдем в ЗАГС и в тот же день махнем на Азовское море. А свадьбу потом сладим.

– Кольца не покупайте, это за мной. Накануне, как в ЗАГС идти, приезжай, Руслан, за кольцами. Дорогу знаешь, а у Наташи забот и других будет немало...

Когда тот приехал, он отдал кольца и предложил посмотреть партизанскую землянку, которая находилась как раз по дороге в Минск. Первым спустился в нее Руслан, а Матвеич быстро захлопнул дверь. Часа два стоял, прислушиваясь к приглушенным крикам и ударам...

Выпустил его лишь через две ночи. Замерзший, голодный, грязный и злой Руслан кинулся на деда, но буквально в нескольких метрах остановился как вкопанный: Матвеич сидел на пне в пилютке и гимнастерке, со всеми наградами, в руках держал ружье.

Несколько минут они молча испепеляли друг друга взглядом, затем Руслан повернулся и... тут раздался выстрел.

– Это предупредительный. Сам знаешь, что произойдет, если ты хоть на метр приблизишься к Наташке. Забудь о ней! – бросил ему в спину. – А машина твоя сразу за углом.

И надо же такому случиться: не успел отъехать и сотни метров, как навстречу – милицкий газик. Старший лейтенант – а это

был участковый – не поверил его рассказу. Но пришлось поверить: Матвеич сидел на том же пне, ружье держал между ног.

– Быстро же ты прибыл. Я думал, это случится позже...

СВАДЬБЫ НЕ БЫЛО

Через два часа он был у Наташи. Выслушав его, долго не могла вымолвить ни слова, а затем, оправившись от шока, стала уточнять детали. Удивилась, что Руслан заявил в милицию.

– Он же старенький, как переживет тюрьму...

Слово за слово – они впервые поссорились. Ссора кончилась тем, что Руслан, бросив фразу: «Ты тоже сумасшедшая, вот и оставайся со своим сумасшедшим дедом», хлопнул дверью.

Он не пришел ни на другой день, ни через неделю, ни через месяц... Ни разу не позвонил. Из магазина уволился. Его родители сказали, что уехал в Москву, а куда именно, не знают...

Наташа перестала следить за собой, похудела, осунулась, под глазами залегли темные круги. Все искала и не находила ответы на вопросы о безрассудной выходке деда. Он любит ее, так почему не посчитался с выбором любимой внучки? Почему разрушил ее любовь? Почему человек, который, по сути, воспитал ее и которого она любила всем сердцем, причинил ей невыносимую боль? Почему обманул ее, когда в ту ночь она позвонила ему, чтобы узнать, где Руслан?.. Она знала, что ее ответы на эти вопросы и ответы деда никогда не совпадут. Никогда. Это наполняло ее жизнь неведомым, рвущимся из глубин души ожесточением. И оно становилось все заметнее для окружающих.

С диагнозом «пограничное состояние» ее госпитализировали. Фирма расстаралась, и ей выделили отдельную палату. На второй день пришли отец и... дед. Наташа знала, что уголовное преследование было прекращено – в райотдел милиции по почте пришло письмо Руслана, в котором он сообщал, что «претензий к гражданину М. М. Точилину не имеет».

– Папа, кого ты привел?

– Не узнаешь деда?

– У меня нет деда! Нет! Нет! Нет!..

С ней случилась истерика, им пришлось уйти.

Лечение помогло. Наташа с головой окунулась в работу, а по вечерам корпела над диссертацией, читала на французском, чтобы не забывать язык. И не зря читала. Ее послали в командировку в Бельгию. Она блестяще справилась с заданием, познакомилась с владельцем сайта, где публиковались материалы по экономике, и тот заказал ей серию статей, пообещав приличный гонорар...

Однажды Наташа вышла из подъезда здания, где находилась фирма, и преградивший ей дорогу мужик с усами и бородой вдруг бухнулся на колени:

– Наташенька, не могу без тебя...

Только тут она узнала его. Вихрь чувств сменился яростью и внезапной слабостью:

– Ах ты, негодяй! Негодяй! Негодяй! – И град ударов застучал по его груди. – Это не ты – это я не могу жить без тебя, я, – и Наташа разрыдалась.

Он действительно был в Москве, снимался в сериале. Роль не главная и даже не средняя, но и не эпизодическая. Его герой – с усами и бородой. Параллельно прошел пробы в другой сериал. Не писал и не звонил потому, что хотел... забыть Наташу. Не вышло. Полюбил еще сильнее.

Они поженились. Свадьбу решили не делать.

И так случилось, что первым об этом узнал я, когда заехал к ней посмотреть наброски статей для бельгийского сайта. Евгений Матвеевич, которому позвонил вечером, воспринял новость с облегчением:

– Ну и славно... А то и сама измучилась, и нас измучила. К вам просьба: попробуйте уговорить ее навестить деда. Плох он, а скоро ему девяносто исполнится. Не переживет, если на юбилей не приедет внучка... А наши намеки на этот счет она решительно пресекает... Вы знаете ее характер, на компромиссы не идет...

Просьба озадачила: мне, чужому человеку, надо сделать то, что не могут родные люди... До сих пор не знаю, каким я оказался переговорщиком. Но способствовало перемене ситуации удачное стечение обстоятельств. В

очередной свой приезд к Наташе я, отчитывая ее, – она не сделала то, о чем договаривались, – увлекся. Руслан вскочил с кресла, принял театральную позу:

– Господин журналист! Прошу сдерживать эмоции. На мою жену не повышал голос даже дед... Кстати, – он снова уселся в кресло, – я иногда думаю, как бы поступил на его месте. Ведь легко судить человека, не побывав в его шкуре. Он-то, без сомнения, счастья желает внучке. А какое счастье с человеком, которому за тридцать, а у него ни кола, ни двора, ни стабильного заработка. Словом, перекасти-поле... И к тому же человек этот – внук полица. Да, внук не отвечает за деда. Но это теория только для нас, а для тех, кто воевал, это не теория...

Наташа во все глаза смотрела на Руслана.

За чаем ей вдруг стало плохо, она помчалась в туалет.

– Токсикоз... Мы ждем ребенка... Уже три месяца, – шепнул мне Руслан.

Через неделю я привез им в подарок Библию.

– Вот что, молодые люди, может, я покажусь вам наглым и бесцеремонным, но воспринимайте это как издержки профессии и выслушайте... Сначала слова из Библии: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и отец ваш Небесный простил вам прегрешения ваши». Психологи давно доказали: без прощения нет выздоровления. Без прощения трудно выносить здорового ребенка... А ваш ребенок должен родиться здоровым. Надо ехать к деду...

– Поедем, но...

Продолжать Наташа не стала.

...Мы подъехали к его дому, когда солнце уже золотило верхушки яблонь. Матвееч, постаревший, худенький, с поредевшими волосами цвета бересты, стоял у калитки, опираясь на суковатую палку. В глазах блеснула слеза. Или мне показалось?

Мотор заглох, и в салоне повисла тишина. Я смотрел на него, прожившего столь трудную жизнь, в которой было немало и счастья, и горя, и думал о том, что и сегодняшний день может прибавить ему либо радости, либо боли.

Простят ли они его? ■

